

ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ

О.Л. Янушкявичене

ДУХОВНОЕ ВОСПИТАНИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Характерные черты идеала духовной жизни русского человека формировались на протяжении тысячелетия православного уклада жизни русского народа. В.В. Зеньковский представляет их следующим образом: глубокая искренность, связь доброго расположения сердца и поступков; разумность жизненных проявлений, презрение к неразумным, животным проявлениям низшей части человеческого естества; жизненная установка на самопожертвование, на служение общим целям, таким, как служение Богу, Отечеству и ближним; эстетическое отношение к миру, стремление к красоте и гармонии во всем.

Древнерусские воспитательные идеалы начали формироваться в глубокой древности на основе языческих представлений, общинных ценностей, этнического характера восточных славян. Источники, свидетельствующие о воспитании дохристианского периода, малочисленны и сводятся в основном к устному народному творчеству — сказкам, песням, прибауткам, потешкам и т.п. Педагогические идеалы наиболее рельефно выразились в русском фольклоре. С помощью фольклора из поколения в поколение передавались те ценности, которые признавались главными в воспитании и жизни.

В русских народных сказках отразились как древнейшие языческие представления славян о добре и зле, справедливости, мудрости, так и более поздние христианские мотивы бескорыстной любви, смирения, послушания. Сказка — органичный сплав народного, житейского, обыденного сознания с духовными переживаниями человека.

Духовное воспитание детей осуществлялось с помощью народного фольклора, который воздействует прямо на душу своими образами, эмоциональным строем, языком. Этим объясняется его мощное воспитательное влияние на детей. Серьезную роль в духовном воспитании играли совместные культовые действия, танцы, игры, забавы.

Важными средствами воспитательного воздействия на ребенка в древние времена был труд и совместная деятельность семьи. Семья и община были естественными учителями детей. Участие в

Янушкявичене Ольга Леонидовна — кандидат физико-математических наук, доцент Вильнюсского педагогического университета, докторант МГПУ им. В.И. Ленина.

их жизни помогало обрести необходимые навыки и умения, формировало представления о мире физическом и духовном, о человеке и обществе, природе и хозяйстве.

Крещение Руси в 988 г. положило начало новой эпохе в деле духовного воспитания.

Русь приняла христианство во время серьезного осложнения отношений между восточной греческой церковью и западной, латинской. Принятие христианства от греков способствовало развитию отрицательного отношения к «латинянам». Молодое христианство было неохотно ревностным, и когда впоследствии Византийская империя, гибнувшая под ударами турок, на Флорентийском соборе (1439) заключила Унию между католической и православной церквями, русская церковь не приняла ее и стала настороженно относиться и к византийскому культурному влиянию, фактически замкнулась в рамках ранее переведенного и освоенного круга литературных источников и созданной к этому времени славянской духовной литературы. Таким образом, на Руси постепенно сформировался особый, отличный от западноевропейского, культурный мир, который характеризовался своими взглядами на духовное воспитание, своим отношением к общечеловеческим ценностям, способам передачи их от поколения к поколению¹.

На Руси после Крещения появилось и оказывало большое влияние греческое духовенство, которое принесло культурные традиции Византии, христианская культура которой впитала в себя все богатство античных и древневосточных цивилизаций.

Постепенно на Руси воспитывалось свое духовенство. Передача знаний и замещение священнослужительских мест происходили часто семейным порядком — дети священников наследовали дело отцов. Поэтому в организации церковных школ для подготовки будущих священнослужителей (как в Западной Европе, где священники были связаны обетом безбрачия и не имели детей) острой потребности не возникало. Это имело свои отрицательные стороны — нешкольные знания не были системными, с другой стороны, домашнее духовное воспитание было лишено формализма и оказывало воздействие на внутренний мир ребенка. Вышеизложенное надолго (до XVII в.) предопределило семейный и домашний характер русского воспитания. Таким же домашним порядком учили при церквях и монастырях.

«Воспитание можно рассматривать как один из архетипов русской культуры, о чем, во-первых, свидетельствуют как религиозные и философско-педагогические тексты, так и фольклор, пословицы, поговорки. Во-вторых, он обнаруживается в обыденном сознании и в бытовой практике. В-третьих, об этом говорит и то, что вплоть до второй половины XVII в. на Руси имела место

“нешкольная” система обучения. Это было связано с тем, что: уровень развития государственных институтов долгое время не требовал большого количества образованных людей; в условиях господства парадигмы языческой бесписьменной культуры и отсутствия преемственной связи с античной культурой было трудно заимствовать византийскую школьную традицию; экономический фактор развития страны долгое время не оказывал заметного влияния на сферу образования; социализация осуществлялась в сословных рамках традиционными способами; философская парадигма православия не предполагала наличия богословского образования», — писал А.В. Мудрик².

После Крещения на Руси стали повсеместно открываться школы “учения книжного”. Постепенно подобные училища переходили в ведение церкви. Обучение грамоте и обучение духовным основам веры воспринималось как единый процесс. Об этом же свидетельствует содержание обучения в школах, где главным считалось усвоение книжной мудрости, отраженной в “изборниках” (хрестоматиях) того времени.

Одной из подобных книг, дошедших до нашего времени, является “Изборник Святослава” (1073). С педагогической точки зрения это был своеобразный пропедевтический курс семи свободных искусств и христианской премудрости, предназначенный для запоминания и нахождения готового ответа в целях введения новокрещеных христиан в круг идей и представлений, связанных с принятой ими верой.

Необходимо отметить, что школы “учения книжного” представляли собой повышенную по сравнению с простым обучением грамоте ступень образования. В них особенное внимание отводилось тривиуму, включавшему грамматику, риторику и диалектику, что было характерно для школ этого типа в Западной Европе того времени.

Грамматика включала в себя изучение и толкование текстов Священного Писания: Евангелия, Псалтыри и некоторых библейских книг. Важное место отводилось риторике — обучению навыкам красиво говорить и писать. Образцами риторского искусства служили произведения Иоанна Златоуста, которые пользовались на Руси широкой известностью, входили в состав “Изборников” 1073 и 1076 гг., сборников “Златоструй”, “Измарагд”, “Златоуст”. Перечисленные виды обучения, а также учреждение школ при церквях под руководством духовенства свидетельствуют о духовно-воспитательном характере учения в таких школах.

Церковно-приходское обучение возникло на Руси вместе с церквями. Оно было бесплатно, всесословно, доступно каждому и имело прежде всего духовно-воспитательный характер. С.И. Миропольский пишет о церковно-приходских школах того времени:

“Главною целью училища была не грамота, не книжность, но просвещение учащихся светом учения Христова, воспитание любви к церкви православной, послушание ее заповедям, добрая жизнь по вере”³.

Прошедший на Руси Стоглавый церковный собор предписал, чтобы священники в школах “учили учеников своих страху Божию”, “наипаче же берегли и хранили их во всякой чистоте и блюли их от растреления”. Митрополит Михаил советует учить не только “словесем книжного учения”, но “благодетельно, правде и любви, и зачалу премудрости, страху Божию, чистоте и смиренномудрию, прилагати им учение от закона Господня на пользу души же и телу”⁴.

Заметим, что судить о теории духовного воспитания того времени мы можем в основном по письменным источникам, которые задают некий идеал. Насколько реальность следовала идеалу, установить трудно. Однако по письменным источникам мы можем судить о том, к чему было направлено духовное воспитание того времени.

Зародившееся монашество также осуществляло воспитание. Монашеский образ жизни имел большое духовное влияние на современников. Аскетическая, не похожая на обычную, жизнь монахов, связанная с самоограничением и преодолением мирских соблазнов, часто являлась примером победы духа над человеческим эгоизмом, корыстолюбием, страхами (жизнь в скитах и пещерах, где жили первые русские монахи, была полна опасностей).

В правление киевского князя Ярослава Мудрого был принят “Устав Ярослава” — законодательство, в котором важное место занял брачный кодекс, упорядочивший семейные отношения. В кодексе было запрещено умыкание невест, многоженство, принуждение при вступлении в брак. Принятие этого кодекса должно было утвердить добровольность и святость брачного союза, укрепить семью, повысить ответственность родителей за детей. Конечно, в реальной жизни решение о браке родители часто принимали, не учитывая желания детей, в особенности невест, но существование законодательства понемногу изменяло нравы в должную сторону.

М.Я. Геллер пишет об этом времени: “Главными элементами русской жизни были — терпение, покорность, набожность... Православие — решающая сила формирования древнерусской культуры, которая в свою очередь формирует мировоззрение русских, их поведение”⁵.

Книги в Древней Руси были большой редкостью и считались источником прежде всего духовной мудрости, они играли роль помощника в духовном совершенствовании, помогали “быть христианином”. Поэтому необычайно высоким был престиж “книжно-

го” человека, умеющего читать, понимать и толковать духовную литературу. Художественная и учебная литература занимали очень мало места в круге читаемых в то время книг.

Воспитательные наставления, имевшие своим источником писания греческих Отцов Церкви IV в., сделались на Руси важнейшим способом духовно-нравственного педагогического воздействия на духовенство и мирян. Авторы их учили христианским истинам на примерах из народной жизни и собственного опыта.

Особенно рекомендовалось читать Слово Божие. Этим заветом полны все древние поучения. На Руси не только изучали Св. Писание, но и толкования, и отеческие писания.

Духовники вообще играли важную роль в христианском просвещении древнерусского народа. Авторитет и положение лучших из них были очень высокими. Духовные отцы выполняли сложную воспитательную задачу, они должны были уметь найти ответ на любой вопрос христианской жизни как практического, так и религиозного свойства. Роль духовника в Киевской Руси трудно переоценить: в воспитании отроков его наставления были порой более действенными, чем родительские, поскольку за ним стоял авторитет и воспитательные традиции всей Церкви.

Теория воспитания в Древней Руси строилась, исходя из иерархии “Бог–человек–мир”. При этом христианские идеалы воспитывались не изложением абстрактных понятий, а наличием воспитателей, живущих рядом и воплощающих в своей жизни эти идеалы. Образ Божий, высветленный в личности духовных наставников, должен был давать почувствовать воспитуемым другую, высшую реальность бытия. Так, известно, что жившие праведной жизнью монахи, такие как Феодосий Печерский, Евфросинья Полоцкая, Сергей Радонежский и другие, изменяли своим примером нравы живущих вокруг людей: мирили князей, давали духовные советы, утихомиривали раздоры и т.д.

Представление о теории воспитания и идеалах в Древней Руси дают Жития святых, летописи, сказания. Русский былинный эпос, хотя и может включать в себя дохристианские черты, основывается на христианских идеалах: доброте, любви к ближнему, смирении, защите законной власти. «Повесть о былинах проникнута христианскими символами, самое время действия определяется церковными богослужениями (“Я стоял заутреню Христосскую во Муроме, а и к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град”), Русь в них мыслится как православная страна (“Да постой за матушки Божьи Церкви, да постой-ка ты за князя за Владимира!”), а богатыри — как защитники православия (“святорусские богатыри”), сильные не столько физической силой, сколько правдой и любовью. Так, богатыри, совершая свои подвиги, испытывают

жалость к поверженным врагам, по возможности щадя их (“Говорил старой казак да Илья Муромец: “А почто рубить ему да буйную головушку? Мы свеземте-тко его во стольный Киев-град” и т.д.)», — отмечает Л.Н. Беленчук⁶. Былина соединяла в себе и историческую повесть, и примеры, современные слушателям. Она искусно связывала старое и новое, вечное и преходящее, торжественное и веселое. Былины пелись детям, на образах русских богатырей воспитывались многие поколения. Можно утверждать, что воспитание с помощью былин было сродни эпическому воспитанию древнего грека.

Присущим лишь христианству воспитательным жанром были и Жития русских святых, самые ранние из которых относят к XI в. Русские Жития сочетали в себе духовные наставления и мирские рассуждения. Образность и красочность рассказа делали их одним из средств педагогического воздействия. Жития учили не с помощью моральных сентенций, а примерами из жизни известного всем святого русской земли. При чтении Жития создавалась атмосфера сопричастности жизни святых.

Идеалы духовного воспитания того времени описаны также в “Поучении” Владимира Мономаха, вошедшем как составная часть в “Повесть временных лет”. Цель воспитания в “Поучении” определяется целью жизни, а цель земной жизни неразрывна с представлением о жизни вечной. “Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец Бог милостив и премилостив... Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею... Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию... Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу... Старых чтите, как отца, а молодых — как братьев”⁷.

Владимир Мономах обличает недостатки, среди которых самыми недостойными считает гордость, лживость, леность. “Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а что не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели”⁸.

“Се же вы конец всему, страх Божий имейте выше всего”, — заповедывал Мономах своим детям. В основании нравственного воспитания полагался страх Божий.

Русь приняла христианство на 500 лет позднее, чем Западная Европа, в период расцвета Византии. Это обстоятельство благоприятствовало приобщению Киевской Руси к мировой цивилиза-

ции. Древняя славянская культура соединилась со зрелым восточным христианством и породила древнерусское православие и его понимание духовно-нравственного воспитания человека. Поэтому последнее в Древней Руси отличалось целостностью и ясностью своих идеалов, систематичностью, доступностью. Специфика духовно-нравственного воспитания на Руси заключалась в том, что оно не имело в своем основании античной культуры (хотя наши предки были знакомы с ней через византийские сборники), а опиралось полностью на христианско-православную традицию. В сознании древнерусского человека ничто не могло конкурировать с истиной Священного Писания.

Завоевание монголо-татарами русских земель расценивалось современниками как гибель Руси, Божья кара за грехи. С другой стороны, историк Н.М. Карамзин, констатируя, что нашествие Батые “перевернуло Россию”, писал о “благе, которым обернулось несчастье”⁹: разрушение способствовало объединению. Татары, по своим обычаям, проявляли полную веротерпимость: они не мешали распространению православия, не вмешивались в назначения на церковные должности. Церковь была освобождена от всех даней и поборов. Митрополиты получали ханские грамоты, освобождавшие от даней, пошлин и повинностей все черное монастырское и все белое приходское духовенство с клирами и зависимыми от церкви людьми, населявшими дворы при храмах. М.Я. Геллер пишет: “Оскорбление русской веры наказывалось смертной казнью. В 1261 г. хан Берке, принявший ислам, разрешил тем не менее учредить в Сарае епископскую кафедру. Православные, жившие в Орде, имели таким образом своих священников, которые имели право обращаться в русскую веру обитателей Сарая. Привилегированное положение церкви обеспечивалось и тем, что митрополит имел, как и князья, прямой доступ к хану. Это давало ему возможность влиять на политику: слово митрополита могло сменить ханский гнев на милость, или наоборот”¹⁰. Русская церковь использовала свое положение для распространения и укрепления идеи единства Руси. Единая церковь была важнейшим фактором единства Руси — хранительницей веры и языка, связывавших воюющие между собой княжества. Поэтому защита веры, защита православия была для церкви главной задачей. Тем более что она видела страшную опасность — антиправославный “крестовый поход, шедший с Запада”. Перед лицом этой — смертельной, как считала церковь, — угрозы веротерпимые татары становились союзниками.

Проповеди владимирского епископа Серапиона — образец нравоучительной и воспитательной деятельности в условиях монгольского татарского ига. Серапион видит в несчастье, постигшем Русь, выражение гнева Божьего. Татары — это бич Божий.

“Не пленена ли земля наша? Не покорены ли города наши? Давно ли пали отцы и братья наши трупьем на землю? Не уведены ли женщины наши и дети в полон? Не порабощены ли были оставшиеся горестным рабством неверных? Вот уже к сорока годам приближаются страдания и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш, и всласть хлеба своего наесться не можем, и стенания наши и горе сушат нам кости”. “Кто же нас до этого довел?” — спрашивает проповедник. Его ответ: “Наше безверье и наши грехи, наше непослушанье, нераскаянность наша”. Бичуя в обличительном пафосе грехи и пороки православных, Серапион неожиданно противопоставляет им завоевателей: “Даже язычники, Божьего слова не зная, не убивают единоверцев своих, не грабят, не обвиняют, не клеветуют, не крадут, не зарятся на чужое, никакой неверный не продаст своего брата... мы же считаем себя православными, во имя Божье крещенными и, заповедь Божью зная, неправды всегда преисполнены, и зависти, и немилосердия: братьев своих мы грабим и убиваем, язычникам их продаем; доносами, завистью, если бы можно, так съели бы друг друга, но Бог охраняет!”¹¹.

Последствием монголо-татарского порабощения стало сплочение русских сил, объединение их вокруг постепенно возрождавшихся к жизни городов и монастырей, осознание противостоявшего врагам православного единства русских земель. Язычество во многих местностях стало утрачивать свои сильные до этого позиции.

Из духовного единства выросла новая культура, культура Московского княжества, стержнем ее окончательно становится православие. В этот период начинается складывание русского типа образованности, отличного от западноевропейского и византийского, хотя и имевшего общие с ними истоки.

Идеал древнерусского воспитания в эту эпоху не изменился, что можно видеть из ее памятников. Воспитание предписывалось вести путем кротости и доброго примера. Везде первым воспитательным средством является страх Божий, но этот страх основан на любви и чужд жестокости. Приведем несколько цитат из памятников монгольской эпохи для характеристики воспитательного идеала того времени, который возвещался с церковных кафедр. С.И. Мировпольский писал¹²: «Св. Петр заповедывал священникам “духовных детей своих поучать сперва страху Божию, потом покаянию во грехах, любви, кротости, смирению и милостыне”».

Святой митрополит Алексей писал: “Имейте, дети, в сердцах своих страх Божий: ибо при нем человек может стяжать всякую добродетель”. Князей убеждает: “Судите милостиво, суд бо без милости не сотворившему милости”, “Судите праведно, не обижайте вдов и сирот и пришельцев, да не возопиют на вас к Богу. А люди простые Бога бойтесь и князя чтите”.

Из немногочисленных памятников письменной культуры этого периода до нас дошли Жития святых. Их образы отличаются от образов святых предыдущих веков. В соответствии с историческими обстоятельствами воспитательный идеал выражался не в образах “невинно убиенных” (как, например, князей Бориса и Глеба), а в подвигах мучеников за веру. Таково, например, Житие князя Михаила Черниговского. В 1246 г. черниговский князь Михаил Всеволодович приехал в Золотую Орду, чтобы получить ярлык на княжение. Узнав об обычае хана Батыя заставлять христиан поклоняться языческим идолам, он воскликнул: “Я бы хотел кровь свою пролить за Христа и веру христианскую”. Житие оценивало героическую смерть князя Михаила не только как подвиг во имя спасения Родины, но и как жертву, принесенную русским народом во искупление своих грехов.

Жития давали образцы нравственного поведения — бескорыстия, самоограничения, помощи ближним.

Примерно с XIV в. население Руси начинает называться христианами (“христьянами”) в отличие от “басурман” (монголо-татар), а Русь — Святой.

Одним из ярких воспитательных примеров была жизнь и деятельность основателя Свято-Троицкой обители Сергия Радонежского (прибл. 1321–1391). В Свято-Троицком монастыре осуществлялся важнейший педагогический принцип — воспитания в духовной общности, воспитания средой, воспитания коллективом, который был проникнут святотроицким идеалом единения. Огромное значение для развития и распространения этого идеала имела святость, благочестие и добродетель самого Сергия Радонежского. Послушание, четкое распределение обязанностей насельников, дисциплина, единомыслие, отказ от излишних мирских благ определяли смысл воспитательного воздействия монастырской жизни, пример которой подавал сам игумен.

Проповедуя нестяжательство, Троицкий игумен высоко ценил человеческое достоинство и не приветствовал нищеты и попрошайничества.

Сергий Радонежский был главным духовным авторитетом того времени. Он вел активную благотворительную, просветительскую работу, выступал учителем нравственности не только для иноков, но и для светского населения, занимался миротворческой деятельностью. Существуют свидетельства также и необычайного смирения старца.

В Житии проводится мысль, что воспитание в благоговении перед Богом (“страхе Божьем”) рождает бесстрашие земное, препятствует человеку идти на компромиссы с собственной совестью. “Эта мысль о воспитательном значении страха Божьего, порождающего способность противостоять злу, позже была развита клас-

сической отечественной педагогикой, в частности К.Д. Ушинским — пишет Л.Н. Беленчук¹³. Рядом со страхом Божиим как основой воспитания присутствовала идея любви и смирения: “Любовь равно имея ко всем человекам, никогда же в ярость не впадал”. Известна личная скромность игумена, которого посетители принимали за простого монаха из-за бедной одежды и смиренного поведения. Глубокое смирение и сознание своих недостатков — стимул духовного совершенствования, “внутреннего делания”. Духовные идеалы Сергия Радонежского с помощью сподвижников и учеников преподобного распространились по другим монастырям средневековой Руси.

В этот период в среде монахов постепенно укреплялось отрицательное отношение к рациональному знанию, наукам о внешнем мире. Интерес к этическо-нравственным проблемам оставлял все меньше места для рассмотрения общеполитических вопросов и дидактических задач. Если на Западе формировалось стремление понять и исследовать Священное Писание, то на Востоке — следовать ему. Ценилось не внешнее знание, а внутреннее делание.

Из Отцов церкви в области духовного воспитания наиболее часто использовались творения св. Иоанна Златоуста. Сочинение последнего “О воспитании детей” послужило образцом для множества статей в наших древних сборниках, “Пчелах”, “Златоструях”.

В статье “О вскармлении детей”, представляющей собой, в сущности, перевод Златоуста, пишется: “Молю вы и понуждаю много: о своих детях творим помышление поучающе их на добродетель любовию же и прещением всячески. И спасения ищите тех души”¹⁴. Таким образом, воздействовать на детей надо сначала “любовию”, а когда она бессильна — не отступать и перед “прещением”, действуя “всячески”, т.е., разнообразными мерами. Приведя примеры Иова, Авраама и Давида, писатель говорит, что родители должны заботиться не о том, чтобы оставить детям богатство, худому сыну не в помощь богатство, но о том, чтобы сделать их людьми добрыми, благочестивыми, довольными малым; не полезна любовь отца к детям, если он о душе их не заботится, боится причинить им боль и даже остерегается огорчить их словом, хотя бы они жили и безчинно. Потом плоды изнеженного воспитания непременно скажутся.

Семейная жизнь наших предков имела патриархальный характер, власть и авторитет родителей стояли высоко и были почти абсолютными. В памятниках XV в. постоянно встречаются наставления, чтобы дети чтили эту власть и были ей послушны. Родительское благословение считалось первым условием внутреннего и внешнего благополучия человека.

Так, в “Слове святых отец, како детям чтити родителя своя”¹⁵ пишется: “Послушайте братья и сестры заповеди Господня, иже

и законнику рече се первийша заповедь, да любити отца своего и мать свою, и благо ти будет и долголетен будеши на земли. Иже бо чтить родителя своя и слушает веленья ею, се очистит грехи своя и от Бога прославится”. Далее следуют наказания за грехи против родителей: “Отчая клятва изсушить, а матерния искоренить. Сын непослушлив отцу в пагубу будеть и не поживет”. Гневающий отца и досаждающий матери “обещник есть нечестивым”. “Око, ругающееся отцу и досаждающее старости матери, да исторгнут е вранове от дебря и да снесят е птенцы орли вранове мертва тела очи и снесят и орли”. “Честь же творяй отцу и матери, возвеселиттиса имать о своих детех и в день печали избавит и Господь Бог и молитву его услышит и еже просит, подаст ему. Покояй мать свою волю Божью творить и угождали отцу во благих поживет... Отчее благословение дом утвердит, а матерния молитва избавит от напасти”. Особенно заповедуется, чтобы дети не глумились над родителями, если они по старости впадут в слабоумие (“оухеют разумом”).

С помощью изучения прошлого духовного воспитания можно понять его настоящее и прогнозировать будущее. Отечественная история духовного воспитания является неоценимым кладом опыта воспитания многих поколений, и на основе исследования этого опыта, тщательно отбирая все проверенное и отсекая сиюминутное, можно построить истинно российскую систему духовного воспитания.

Примечания

- ¹ История педагогики и образования / Под ред. А.И. Пискунова. М., 2001. С. 150.
- ² Мудрик А.В. Введение в социальную педагогику. М., 1997. С. 223–224.
- ³ Миропольский С.И. Очерк истории церковно-приходской школы. М., 2006. С. 73.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Геллер М.Я. История Российской империи. М., 1997. Т. I. С. 168, 170.
- ⁶ Беленчук Л.Н. История отечественной педагогики. М., 2005. С. 15.
- ⁷ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века / Сост. Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. М., 1980. С. 400–401.
- ⁸ Там же. С. 401.
- ⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 5. С. 227.
- ¹⁰ Геллер М.Я. Указ. соч. С. 97.
- ¹¹ “Слова” Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси, XIII век. М., 1981. С. 445, 455.
- ¹² Миропольский С.И. Указ. соч. С. 122.
- ¹³ Беленчук Л.Н. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁴ Миропольский С.И. Указ. соч. С. 243.
- ¹⁵ Там же. С. 248.